

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

УДК 159.955

**ПОНЯТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ***Б.С. Алишев***Аннотация**

В статье показано, что термином *представление* в российской науке обозначаются два отличающихся друг от друга класса психологических феноменов, один из которых имеет перцептивное происхождение, второй – ментальное. В свою очередь, понятие *репрезентация* широко используется в зарубежной когнитивной психологии, оно тесно связано с российским понятием *представление*, но не сводится к нему. Это создаёт путаницу и затрудняет взаимопонимание с англоязычными коллегами, поэтому в статье предлагается разграничивать представления перцептивного порядка и ментальные представления как продукты переработки психикой и сознанием различных комплексов информации, выполняющие функцию структурирования и объяснения действительности.

Ключевые слова: представление, образ, ментальные представления, репрезентация, пропозициональные, аналоговые и сенсомоторные репрезентации, когнитивная схема, язык.

В одной из статей [1] ранее нами было показано, что важнейшей функцией психики и сознания является формирование предпочтений, как устойчивых, повторяющихся, так и ситуативных. Наши мозг и психика непрерывно решают задачу выбора, а всякий выбор и есть предпочтение. Но для того, чтобы мы и другие живые существа могли что-то предпочитать, а от другого отказываться или избегать его, у нас должно существовать или моментально формироваться определённое «знание» и о том, и о другом, включающее в себя также «знание» о субъективном значении (то есть необходимо знание о том, «что это», и о том, «что это значит для меня»). Кроме того, у нас должно быть «знание» о собственных состояниях. Если всего этого нет, возможны только случайно, наобум совершаемые предпочтения (так, как это описывается в теории вероятности).

На самом деле указанное «знание» имеет различные формы существования: от врождённого знания, закодированного в генах, до зрительно воспринимаемых картин текущего восприятия, от элементарной бытовой информации до сложных построений современной науки, от точных образов и формулировок до поражающих своей нелепостью сказочных и фантастических конструкций или почти невыразимых, смутных попыток понять и объяснить что-то. Для обозначения

всего этого будем далее использовать термин *представление*, который, однако, требует пояснений, поскольку он весьма неоднозначно трактуется в современной психологии.

Традиционно в науке используются как близкие друг другу понятия *образ* и *представление*. Часто представлениями называют «вторичные» образы, то есть образы, восстанавливаемые из памяти, а не возникающие при непосредственном восприятии. С.Л. Рубинштейн, например, писал: «Представление – это воспроизведённый образ предмета, основывающийся на нашем прошлом опыте» [2, с. 271]. Точно так же он понимал обобщённые представления, возникающие в связи с целыми классами предметов и обозначающими их языковыми категориями. Это понимание повторяется и в большинстве современных отечественных учебников (см., например, [3, с. 234; 4, с. 80]). При такой трактовке представления рассматриваются исключительно как феномены перцептивного порядка (например, представление человека о внешнем виде дома, в котором он живёт, но который в данный момент времени не доступен для его восприятия). При этом считается, что представления, возникающие в воображении, так или иначе тоже основываются на опыте предыдущих восприятий, который просто трансформируется и искажается.

Однако совершенно очевидно, что у человека есть и представления иного рода: в частности, представления о сущности таких абстрактных понятий, как *система, логика, мечта, случайность, неопределённость, тождество, счастье, ценность, справедливость, демократия* и т. д. Они не имеют зрительно воспринимаемого облика, запаха, не звучат, их невозможно потрогать руками, короче говоря, они не даны в ощущениях и в непосредственном восприятии. Когда речь идёт о них, невозможно указать на какой-то первичный образ, тем более на его «оригинал» или «прототип». Очевидно, что такого рода представления затруднительно называть «вторичными» образами. Здесь мы имеем дело с феноменами уже не перцептивного, а ментально-когнитивного порядка, поэтому для их обозначения, с нашей точки зрения, лучше было бы использовать словосочетание *ментальные представления*. Они формируются у личности в процессе длительного и непрерывного социального познания, как продукты многократной переработки разнообразных сочетаний информации, каждый из элементов которой был получен в разное время, из разных источников и разными способами. Более того, каждый из них, вероятнее всего, неоднократно перерабатывался личностью и в составе иных информационных комплексов. Но у всех у них есть нечто общее: в определённом контексте и при определённых условиях они могут сочетаться, образуя нечто связанное и целостное.

Для обозначения таких «представлений» в зарубежной психологии нередко используются термины *идея, концепция* и др. Например, в известном исследовании Ж. Пиаже анализируется вопрос о формировании у детей «идеи родины», а немногим позже Г. Яхода обсуждал вопрос о «концепциях национальности» у детей. Однако достаточно прочитать работы и того, и другого (см. [5–6]), чтобы понять, что в них (как и во многих других статьях с такой терминологией) идёт речь не о чём ином, как о размытых, не имеющих чётких контуров и даже искажающих реальность представлениях детей о различных социальных феноменах. Говоря об идеях и наивных концепциях, мы, казалось бы, переходим

из области восприятия в область мышления, но, как только что отмечалось, представления об абстрактных объектах нельзя свести к феноменам чисто перцептивного порядка. Поэтому использование других терминов не добавляет никакой ясности по существу. На самом деле здесь мы сталкиваемся всего лишь с некоторыми языковыми различиями: если речь идёт о представлениях, связанных с социальными или абстрактными объектами, русское выражение *представление* (*o*) на английском языке будет звучать как *idea* (*of*) или *concept* (*of*).

Другое дело – когда имеются в виду представления, в которых чисто перцептивная сторона выражена значительно сильнее. Тогда в английском языке будет использовано выражение *representation* (*of*). Однако так уж сложилось, что термины *репрезентация* и *ментальная репрезентация* (*mental representation*) в современных когнитивных исследованиях используются, с одной стороны, в гораздо более широком смысле, покрывающем как перцептивные, так и чисто ментальные аспекты проблемы. С другой стороны, несмотря на то, что английское *representation* часто переводят на русский язык именно как *представление* (правильнее было бы *воспроизводство представления*, так как *presentation* уже есть представление), в специальных текстах его предпочитают вообще не переводить. В частности, Б.М. Величковский [7] употребляет термин *представление* в разнообразных контекстах для обозначения того, что подразумевают те или иные люди под определёнными явлениями и понятиями (представления о пространстве, времени, сознании, мышлении и т. д.), а слово *репрезентация* применяется им только как специальный термин конкретной области когнитивных исследований.

Эту область нередко обозначают аббревиатурой RTM (*Representational Theory of the Mind*), и в ней под репрезентациями подразумеваются разного рода квазиобъекты (мысли, идеи, образы, впечатления, желания, речевые конструкции, схемы, модели и т. д.), существующие в семантической реальности и замещающие в ней реальные объекты, взаимодействия и соотношения между ними, но не обязательно изоморфные им (см. [8–14] и др.)¹. Принято также разделять репрезентации на *аналоговые*, существующие, например, в виде изображений и графических схем, и *пропозициональные*, имеющие вид текстовых описаний. Такое разграничение составляет основу популярной теории двойного кодирования А. Пайвио [12], хотя некоторые авторы не придают ему большого значения, так как считают, что в любом случае действуют общие правила формирования репрезентаций.

Выделяются также репрезентации, существующие в виде последовательностей операций и действий. Их обозначают как *моторные* или *сенсомоторные* [15–19]. Обоснованность их выделения обсуждается, и к этому вопросу мы вернёмся далее, но сейчас обратим внимание на то, что такая классификация репрезентаций будет полностью соответствовать давно принятой в отечественной психологии классификации типов памяти и мышления: абстрактно-логический (пропозициональные репрезентации), наглядно-образный (аналоговые репрезентации) и наглядно-действенный (сенсомоторные репрезентации). Утверждается

¹ В рамках RTM разум и мышление трактуются как организованные по определённым правилам операции, совершаемые с репрезентациями, но это только общая идея. Конкретные подходы разных авторов, в том числе указанных выше, порой сильно отличаются.

также, что к репрезентациям у индивида формируются интенции и отношения. Иначе говоря, речь идёт о том, что предпочтения, в том числе устойчивые, могут формироваться по отношению не только к реально существующим объектам, но и к замещающим их репрезентациям. Так возникает понятие *пропозициональной установки* (*propositional attitudes*): фактически это установка, связанная с той или иной пропозициональной репрезентацией, выражающаяся, в частности, в мере нашего согласия или несогласия с различными утверждениями, в мере их принятия как истинных или ложных [20–21]. Отсюда логически следует, что по поводу любого объекта, действия, соотношения может быть создано энное количество репрезентаций, к каждой из которых у субъекта будет складываться некое отношение.

Такое понимание сущности репрезентаций сформировалось в последней четверти XX века в результате усилий, предпринимавшихся и предпринимаемых для создания формализованной (вычислительной) модели сознания и разума, пригодной для использования в работах по проблеме искусственного интеллекта. Несмотря на несомненную важность этих разработок для понимания механизмов работы сознания и мышления, углубляться в лингвистическую философию, логику и психосемантику мы не будем, поскольку, во-первых, для решения поставленных задач в этом нет никакой необходимости, а во-вторых, полный обзор и анализ важнейших психологических разработок в данной области содержится в изданном на русском языке капитальном двухтомнике Б.М. Величковского [7].

Тем не менее хочется обратить внимание на отмеченное выше обстоятельство: очевидно, что может быть создано довольно большое количество разных репрезентаций, относящихся к одному и тому же. Например, тигра можно назвать крупным животным семейства кошачьих, обычно имеющим полосатую окраску, но можно назвать и самым опасным хищником, обитающим в Азии. Можно использовать также другие пропозициональные и аналоговые (схемы, изображения) репрезентации для его описания, и за всеми этими разными репрезентациями будет «скрываться» одно и то же прототипическое представление (тигр он и есть тигр). Но отсюда вытекает, что представление нельзя свести к репрезентации: одно и то же представление может быть выражено с помощью весьма отличающихся друг от друга по типу, форме и структуре репрезентаций примерно так же, как одна и та же философская, социальная или нравственная тема (Ромео и Джульетта, Город Солнца, Доктор Фауст и др.) может быть реализована в разных литературных вариантах.

Проблема в том, что у нас нет иной возможности выносить суждения о каком-то представлении человека, кроме рассмотрения того, как оно им репрезентируется во внешнем плане, то есть эксплицитно, и у нас нет иного способа исследования представлений вообще, кроме как путём изучения их эксплицитных репрезентаций различного вида и формы. Но если так, то придётся задуматься о том, насколько изображение, создаваемое человеком, соответствует сложившемуся у него образу (представлению), а написанный им текст – содержанию его мыслей и переживаний. Да, все мы стараемся как можно более точно выразить свои представления, но хорошо известно, что это удаётся не всегда.

Что касается формы, в которой существуют имплицитные и эксплицитные репрезентации, то здесь различия вообще носят качественный характер.

Итак, мы называем ментальными репрезентациями когнитивные феномены, которые возникают и существуют в сознании человека, а изучаем мы их по графическим изображениям и текстовым (в широком смысле, включающем любые системы символов) описаниям или действиям (демонстрациям). Более того, очень часто между ментальными репрезентациями и их экспликациями фактически ставится знак равенства, и в итоге всё сводится к поиску некоторых общих правил построения речевых высказываний, графических схем и т. д. Чем же тогда представления отличаются от репрезентаций? С нашей точки зрения, репрезентация является экспликацией представления в виде изображения или текста (и, возможно, действия – демонстрации). Таким образом, то или иное представление лежит в основе любой репрезентации, поэтому рассматриваемое соотношение очень похоже на соотношение смысла и текста, значения и знака. Но если так, то представление превращается в нечто латентное, неуловимое, а «на виду» есть только репрезентации.

Это и в самом деле так, и с этим ничего нельзя поделать, но возникает простой вопрос: в какой форме существуют сами представления? Поскольку их явно нельзя свести к нейрофизиологическим феноменам и процессам (хотя именно последние делают возможным их существование), можно предложить только два варианта ответа. Первый таков: представлений как таковых нет, а существуют только репрезентации, но между разными репрезентациями (например, аналоговыми и пропозициональными) одного и того же объекта мозг способен устанавливать отношения подобия или релевантности. Однако этот ответ нельзя считать удовлетворительным, потому что для установления таких соотношений мозг должен на что-то опираться. У него должно быть какое-то «дополнительное» знание.

Поэтому более правдоподобен второй вариант: представления связаны с тем, для обозначения чего в современной когнитивной психологии используются понятия *схема*, *фрейм*, *скрипт*, *сценарий*² и т. п. Конечно, они обозначают не одно и то же: разница между ними заключается прежде всего в том, что схемы и фреймы считаются когнитивными структурами, связанными с распознаванием и оценением относительно статичных объектов и соотношений между ними, а скрипты и сценарии – динамичных явлений³ (например, ситуаций взаимодействия, способов достижения целей и др.). Но в любом случае имеются в виду базисные ментально-когнитивные конструкции прототипического характера, поэтому мы будем пользоваться только понятием *схема*, вкладывая в него широкий смысл.

² Репрезентации тоже создаются в виде схем и текстовых описаний, но в данном случае имеются в виду схемы и сценарии другого уровня, такие, которые существуют имплицитно и делают возможным само создание репрезентаций.

³ *Скриптами* (*сценариями*) обычно называют набор имеющихся у людей ожиданий относительно того, что должно произойти далее в понятной им ситуации взаимодействия [22, с. 5], то есть речь идёт о существующих в ментальном мире людей достаточно детальных описаниях того, как должно происходить то или это. В связи с этим Б.М. Величковский связывает фреймы с пространственно организованной информацией, а скрипты – с её организацией во времени [7, т. 2, с. 48].

По всей видимости, формирование и существование когнитивных схем связано с возможностью их сохранения в долговременной памяти, их культурной трансляции и воспроизводства. Не случайно, что именно в исследованиях долговременной памяти в 30-е годы прошлого века в психологии стал использоваться сам термин *схема*, относящийся к «активной организации прошлых реакций и прошлого опыта» [23, р. 201], то есть к способу хранения информации в сжатом, прототипическом виде, фиксирующем только существенные её элементы, но позволяющем «узнавать» (обнаруживать общее во многом частном и конкретном), кодировать, оценивать события и факты. Позднее это понятие стало широко использоваться в когнитивной антропологии и психологии. Под схемами в современных исследованиях обычно подразумевают «когнитивные шаблоны, с помощью которых новые входные данные (информация) могут быть согласованы и с точки зрения которых они могут быть поняты» [24, р. 131], или «когнитивные структуры, которые организуют знание» [25, р. 8], или «когнитивные структуры, организованные в пространстве и/или во времени, в которых части соединены на основе смежности (*contiguity*)» [26, р. 263].

Здесь хочется обратить внимание только на один аспект теории схем. В современной психологии она разрабатывается в тесной связи с анализом языка и речевых высказываний. Между тем вопрос о том, как и насколько связаны представления и когнитивные схемы (даже те, которые вербализуются и, следовательно, выражаются в виде пропозициональных репрезентаций) с языком и речью, является очень непростым. Думается, что роль языка в процессах познания в современной науке переоценивается. Язык – средство коммуникации, но он вовсе не приспособлен для описания сложных объектов или для проникновения в их суть. Задача языка состоит в том, чтобы обеспечить передачу информации (сообщение) от одного человека к другому в понятной обоим форме. Разумеется, при этом необходимо обеспечить не только понятность, но и правильность сообщения, поэтому язык должен описывать реальность, но он не должен описывать её более точно, чем это необходимо для эффективного взаимодействия человека с этой реальностью и с себе подобными. В этом смысле человеческий язык – всего лишь более сложная система коммуникации по сравнению с биологическими системами коммуникации, которые не предназначены для познания природы, но позволяют лучше приспособляться и взаимодействовать с ней отдельным сообществам и популяциям.

И внутренняя логика (грамматика) языка также должна прежде всего обеспечить возможность взаимопонимания между его носителями. Если мы мыслим с помощью языка, это ещё не значит, что между мышлением с одной стороны и языком и речью с другой можно поставить знак равенства. Ещё в давнем заочном споре с Ж. Пиаже Л.С. Выготский пришёл к выводу о том, что как в онтогенезе, так и в филогенезе речь и мышление до определённого времени развиваются отдельно друг от друга и на разном нейропсихологическом фундаменте, а причиной их «слияния» в единое целое является практика социальных взаимодействий, в которую всё более и более включается ребёнок по мере своего развития. Этот вывод получил поддержку достаточно широкого круга психологов, хотя далеко не всех. Тем не менее идея о языке как основном средстве мышления продолжает владеть умами многих специалистов, принимающих

методологические установки когнитивизма. Не случайно наряду с гипотезой Н. Хомского об «универсальной грамматике», то есть о врождённом и общем для всех людей базовом языке, существующем на бессознательном уровне, уже много лет активно обсуждается и выдвинутая Дж. Фодором гипотеза о языке мысли (*language of thought = LOT*) – *mentalese* [27]. Интересно, что это понятие используют и другие специалисты, в частности один из наиболее известных последователей Н. Хомского С. Пинкер, но имеют ли они в виду одно и то же, используя одно и то же понятие?

Если внимательно прочитать работы названных авторов, можно прийти к выводу, что *ментализ* у С. Пинкера – нечто вроде универсального, «спрятанного» глубоко в недрах мозга квазиязыка (что-то наподобие общей схемы языка), содержащего в себе базовые правила, на основе которых функционируют все разговорные языки, и позволяющего любому человеку в детстве овладеть любым из них. Иначе говоря, этот *ментализ* хотя и скрыт, но прямо связан с реально функционирующими языками, а слово *язык* для С. Пинкера является центральным [13, с. 66–70]. Несколько иное дело – *ментализ* у Дж. Фодора. Использование им слова *язык* является гораздо более условным, потому что в центре его внимания находится не коммуникация, а познание, не получение и передача информации, а её анализ и переработка. Соответственно, центральными понятиями для него становятся *мышление*, *ментальные процессы* и *ментальные состояния* [27, р. 5–8]. *Язык мысли* в его понимании – это система репрезентаций, которая физически реализуется в мозге и, так же как разговорные языки, имеет свои синтаксис и семантику.

Таким образом, *ментализ* С. Пинкера более связан с естественными языками, а следовательно, он должен обеспечивать коммуникацию. Что касается *ментализа* Дж. Фодора, то он выглядит в большей степени связанным с организацией мыслительных операций, с правилами и логикой мышления. Возникает закономерный вопрос: кто из двух учёных прав? Если вновь вернуться к идее Л.С. Выготского о раздельном до определённого этапа развитии речи и мышления, можно предложить неожиданный ответ: оба правы, и в мозге существуют два разных модуля, два «ментализа». Один из них образуется совокупностью правил, позволяющих разными фонетическими, лексическими, грамматическими способами строить пропозициональные репрезентации; второй – совокупностью правил, с помощью которых осуществляются разнообразные операции с репрезентациями (не только пропозициональными): сопоставляются разнородные единицы информации, устанавливаются взаимосвязи между ними, образуются информационные комплексы, оцениваются их смыслы и значения и т. д.

Очевидно, что, если в мозге человека существуют два таких модуля, они должны между собой взаимодействовать, и, возможно, как раз налаживание этого взаимодействия занимает значительное время в самом раннем детстве человека. В когнитивных теориях, о которых шла речь выше, наличие такой связи не только не подвергается сомнению, но и, более того, вне этой связи проблема мышления даже не рассматривается, так же как и проблема сознания в целом. Само мышление часто трактуется в них как совокупность логических операций, совершаемых над пропозициональными репрезентациями. Но если так, то следует думать, что в ходе эволюции представления появились у людей только после того, как

они (люди) создали язык и стали говорить. Едва ли это верная идея, и вряд ли с ней согласятся эволюционные психологи и социальные антропологи.

Как, например, тогда быть с моральными представлениями, которые, по мнению многих специалистов (Р. Докинз, М. Хаузер и др.), должны вытекать из генетически обусловленных форм поведения и, следовательно, развиваться ещё в доречевую эру (или параллельно, но независимо от развития языка и речи). Было ли, скажем, у людей представление о каком-либо табу до того, как у них появились язык и речь и они дали ему понятийное (языковое) обозначение? Если да (а мы не сомневаемся в том, что ответ на данный вопрос должен быть утвердительным), то в какой форме это представление могло бы ими репрезентироваться? А как быть с хорошо известными (см., например, [28]) реакциями приматов и некоторых других видов животных на неравенство и нарушение правил взаимодействия? Как они могут понимать и идентифицировать ситуации, не обладая языком и речью?

Очевидно, что в отсутствие языка в какой бы то ни было его форме не может быть пропозициональных репрезентаций. Тогда есть только два варианта: либо существуют специфические аналогово-моторные репрезентации в виде моделей последовательности действий, «прикреплённые» в психике и сознании отдельного индивида к схематизированным образам типичных ситуаций взаимодействия (наблюдаем же мы их в балете, пантомиме и танце, а танец, по всей видимости, имеет очень древнее происхождение), либо представления могут существовать вообще без репрезентаций.

Поскольку во втором варианте мы сталкиваемся с классической «вещью в себе», обсуждать его не стоит. Первый же из этих вариантов позволяет относительно просто решить названную проблему. Когнитивные схемы реализуются через моторные репрезентации, привязанные к конкретным ситуациям, то есть нужно говорить о существовании целостных сенсомоторных когнитивных комплексов, в которых определённые перцептивные и моторные схемы привязаны друг к другу и переходят друг в друга. Очевидно, что они есть не только у человека, но и у живых существ, не обладающих ни речью, ни сознанием (без этого, в общем-то, оказались бы невозможными даже инстинктивные формы поведения). Но подобные комплексы могут формироваться и в процессе научения. Так, у многих млекопитающих (и прежде всего у приматов и человека) научение детей осуществляется путём специального показа, демонстрации взрослыми нужных действий или путём простого наблюдения детей за повседневными действиями взрослых, как это описывается в теориях социального научения. Специальная демонстрация уже есть репрезентация того, что знает и умеет взрослая особь (индивид), но в принципе любое действие может быть названо репрезентацией, так как оно всегда выражает знания, умения, навыки, мотивы и ценности того, кто его совершает. Впоследствии, по мере развития сознания, языка и мышления, всё перечисленное начинает рефлексироваться, анализироваться и описываться уже с помощью аналоговых и пропозициональных репрезентаций. Однако это не означает, что у человека моторные репрезентации исчезают: они продолжают сохранять свои функции, что особенно отчётливо проявляется при выполнении им элементарных, доведённых до автоматизма действий.

Поскольку эти действия часто включаются в более сложные комплексы взаимодействия, о которых у человека формируются, соответственно, более сложные представления, то можно допустить, что, так же как в случае с установками, разные представления современных людей и даже отдельные компоненты одного и того же представления могут иметь различное происхождение: в представлении могут присутствовать генетически заданные элементы, компоненты, имеющие древнее культурное происхождение (культурное бессознательное), компоненты, основанные на индивидуальном опыте жизни, и т. д. Многие представления людей должны содержать в себе компоненты, обусловленные не только индивидуальными особенностями познания ими окружающей реальности. В них неизбежно должны присутствовать компоненты, имеющие надиндивидуальную природу. Речь не про Бога. Дело в том, что, если нет какого-то безличного знания, истинность которого «проверена» в ходе миллионов лет эволюции, трудно понять, на чём основаны инстинкты и генетически заданные реакции любого живого организма.⁴ С появлением сознания такое «знание» постепенно начинает становиться доступным индивиду, но в виде информации, которая сама требует интерпретации и объяснения, установления причин и следствий. Такое безличное «знание» формируется также в процессе длительной культурной эволюции различных групп людей и не рефлексировано каждым из них в отдельности или же воспринимается как нечто аксиоматическое, само собой разумеющееся. Лишь часть представлений людей или часть компонентов того или иного представления связаны с различными условиями их индивидуальной жизни, в том числе с теми знаниями, которые они усваивают и которые являются следствием постоянно развивающегося научного познания Вселенной. Формирование последних, конечно, уже невозможно без наличия достаточно сложных символических систем типа языка.

Таким образом, когнитивные схемы с методической точки зрения, безусловно, удобно изучать, обращаясь к анализу языка и пропозициональных репрезентаций, однако это примерно то же самое, что изучать не поддающийся наблюдению космический объект по производимым им гравитационным возмущениям. Это можно и нужно делать, но на основе знания законов гравитации, чтобы избежать серьёзных ошибок и заблуждений. В нашем же случае нужно учитывать возможность того, что когнитивные схемы существуют в долговременной памяти в виде такой системы кодов, которая имеет принципиальные отличия от устройства языка, так как схемы выполняют задачу не приёма и передачи информации, а её идентификации, анализа, сохранения и воспроизведения. Они выполняют важнейшую роль также в процессах выбора, формирования предпочтений и принятия решений, а язык нужен людям вовсе не для этого.

Итак, можно предположить, что любое представление базируется на некоей общей когнитивной схеме, или сценарии (скрипте). В свою очередь, на его основе в зависимости от особенностей конкретной ситуации, в которой оказывается субъект, и особенностей более широкого контекста, в который эта ситуация

⁴ Дж. Хенрих и Р. Бойд в связи с этим призывают когнитивных психологов «прилагать больше усилий к изучению того, как врождённая когнитивная структура взаимодействует с социальными процессами и с социальным научением, оказывая влияние на распространение представлений (*representations*) и связанных с ними образцов поведения» [29, p. 110].

включена, формируются специфические репрезентации конкретных объектов, людей, отношений и связей, а также самих ситуаций. Одно и то же представление и соответствующая ему когнитивная схема могут репрезентироваться как минимум в трёх отличающихся друг от друга формах: пропозициональной, аналоговой и сенсомоторной. Вместе с тем существует огромное количество представлений, которые не могут быть репрезентированы в аналоговой форме. Вряд ли, в частности, можно чисто графическими средствами изобразить большинство абстрактных понятий, обозначающих различные связи и соотношения между объектами и субъектами. Крайне сложно также изобразить в зрительно воспринимаемой (и воспроизводимой) форме многие психологические и социальные категории, такие как *память, мышление, речь, ценность, значение, установка, представление, власть, организация* и т. д., однако их можно продемонстрировать с помощью действий и взаимодействий.

В то же время хорошо известно, что существуют не только разные репрезентации, но и совершенно разные представления об одном и том же. Существуют, например, противоположные друг другу гипотезы и теории даже в точных науках, противоположные методологические подходы, совершенно разные трактовки исторических событий, взаимоисключающие оценки одного и того же поступка. Возможно, наиболее ярким примером такого рода различий являются несовместимые друг с другом позиции, занимаемые разными людьми и группами по одним и тем же политическим и социальным вопросам. Это значит, что в реальности даже у одного и того же человека не всегда наблюдается соотношение «один объект (ситуация, проблема и т. д.) – одна схема». Если же речь идёт о разных людях, то оно встречается ещё реже. Поэтому многочисленные когнитивные схемы вряд ли зависят только от особенностей самих объектов (физических, социальных, идеальных) и объективной реальности в целом и вряд ли являются независимыми друг от друга. Скорее всего, они, во-первых, образуются из «кирпичиков» (*слов*), способных входить в разные схемы, во-вторых, среди этих «кирпичиков» важнейшую роль должны играть такие, которые одновременно являются базовыми элементами общей картины мира конкретного субъекта. Иначе говоря, можно предположить, что у каждого человека существует множество когнитивных схем, но вместе с тем имеется некое «организующее начало», позволяющее выстраивать их в определённую систему.

Тем не менее вопрос о том, почему возможны разные теории и гипотезы, разные представления об одном и том же, вызывает значительный интерес. Почему на всякий возникший вопрос нельзя найти единственно правильный и одинаковый для всех ответ? (Впрочем, некоторые уверены, что это возможно. Более того, они уверены, что такой ответ им известен.) Проблема, видимо, не только в том, что чаще всего для этого недостаточно достоверной информации, и не только в том, что далеко не все люди заинтересованы в поиске истины (например, те, о ком говорилось в предыдущем предложении, стремятся не к истине, а к победе). Она может состоять в том, что на многие вопросы в принципе невозможно (и никогда не будет возможно) получить однозначный ответ, то есть существуют не зависящие от самих людей ограничения, не позволяющие достигать однозначности (примерно так, как это вытекает из принципа неопределённости В. Гейзенберга). Было бы интересно в связи с этим выяснить,

чем отличаются друг от друга два класса научных, житейских и любых прочих проблем (задач): те, которые имеют однозначное решение, и те, для которых оно в принципе невозможно. Вторых должно быть никак не меньше, чем первых.

Рассмотрим следующий общий пример. Предположим, есть некий объект или что-то, что условно можно назвать объектом. Требуется определить, что он собой представляет. Теоретически в случае с любым объектом энное количество людей могут дать такое же количество определений, некоторые из которых, однако, будут более достоверными, а некоторые – менее. Задача науки заключается в том, чтобы для каждого случая найти как можно более верный ответ, если это вообще возможно. Но, во-первых, наука не совершенна, а во-вторых, ни один человек не в состоянии владеть всеми её достижениями. Пройдут тысячи лет, и наука, и отдельные люди станут более совершенными, но вряд ли что-то изменится в соотношении между наукой и человеком. Поэтому всегда будет возможна вероятность одновременного существования разных вариантов ответа на один и тот же вопрос, одновременного существования разных представлений об одном и том же и будет сохраняться одинаковая правомерность хотя бы некоторых из этих вариантов.

В общем виде существование разных представлений, так же как и разных предпочтений, является ещё одним следствием фундаментальной неопределённости, которая никогда не может быть преодолена полностью. Разные представления об одном и том же существуют просто потому, что их существование теоретически возможно. Если какая-то гипотеза относительно сущности данного объекта или явления возможна, то опыт показывает, что она обязательно будет выдвинута и будет существовать в виде представления до тех пор, пока от неё не откажется последний человек. Поэтому способны существовать в течение долгого времени даже совершенно нелепые представления, абсурдность которых у подавляющего большинства людей не вызывает никаких сомнений. Итак, могут существовать разные представления об одном и том же, и в то же время в представлениях человека о разном могут содержаться некоторые общие элементы.

Исходя из сказанного, мы понимаем под *представлениями* ментальные образования различной степени сложности, целостности и точности, являющиеся продуктами многократной переработки психикой и сознанием различных комплексов информации, полученной разными способами, в разное время и из разных источников, и выполняющие функцию структурирования и объяснения действительности. Они формируются на основе когнитивных схем и сценариев (скриптов), которые как раз и обеспечивают переработку информации, и репрезентируются в различных формах. Такие ментальные образования могут существовать как на индивидуальном уровне, так и на коллективном. В последнем случае мы сталкиваемся с тем, что выше было обозначено как безличное «знание», формирующееся в процессе длительной культурной эволюции разных групп людей.

Так же как и предпочтения, представления человека могут быть устойчивыми и ситуативными, но при этом необходимо учитывать, что некое представление, являющееся транситуативным для одного человека (устойчиво предпочитаемое им относительно всех иных представлений о том же самом), для другого

человека, наоборот, может быть таким, которое он использует лишь в некоторых ситуациях (например, когда ему это становится выгодным, он может использовать одно представление о свободе, а в другом случае может опираться на совершенно противоположное представление о её сущности). Отсюда следует, что теоретически можно рассматривать некое объективно существующее «поле представлений» об одном и том же. Людей же в каком-то смысле можно считать всего лишь носителями (и пользователями) того или иного представления, хотя они порой становятся его фанатичными приверженцами. Другими словами, представления, так же как и любые объекты, могут выбираться и предпочитаться, а это делает возможным покупку и продажу соответствующих им репрезентаций, с чем мы нередко сталкиваемся в рекламном бизнесе и в политике.

Но количество отличающихся друг от друга представлений об одном и том же, несмотря на их потенциальную изменчивость, не бывает очень велико благодаря наличию разных, но единых для всех людей форм категоризации действительности (в том числе языка), а также обычного здравого смысла. Разнообразие представлений о чём-то гораздо меньше, чем людей. По всей видимости, по поводу любого объекта, любой структурной части действительности, за исключением того, что должно считаться экзотикой и интересовать только учёных и специалистов (*множество Мандельброта, бозон Хиггса, миндаля* и т. п.), на уровне обыденного сознания уже давно сложились и существуют некоторые типичные, обладающие наибольшим правдоподобием представления.

Вместе с тем люди «приобретают» те или иные представления, не извлекая их автоматически из контекста культуры, в которой к тому же, как мы уже выяснили, они разнообразны. Ни одно поддерживаемое культурой представление не является неизбежностью для конкретного субъекта, тем более в условиях современного информационного мира. Сегодня людям доступно большее количество различных представлений об одном и том же, чем в прежние эпохи; люди стали меньше зависеть от того, что им предоставляет их собственная культура (с одной стороны, это делает современные культуры более динамичными, с другой – усиливает внутренние противоречия в них). Поэтому роль факторов индивидуального порядка в формировании представлений никак нельзя игнорировать.

Summary

B.S. Alishiev. The Concept of Representation in Psychology.

The paper shows that the term *predstavlenie* (representation/idea) in Russian psychology describes two different classes of psychological phenomena, either perceptual or mental. In turn, the concept *representation* is widely used in foreign cognitive psychology, being closely related to that in Russian psychology but still going beyond it. This creates confusion and complicates mutual understanding with English-speaking colleagues. Therefore, it has been suggested that mental representations should be distinguished from those of the perceptual type, since they result from the processing of different complexes of information in the psyche and consciousness, performing the function of structuring and explanation of the reality.

Keywords: representation, image, mental representation, propositional, analogue and sensory-motor representation, cognitive scheme, language.

Литература

1. Алишев Б.С. Предпочтение как функция психики // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2011. – Т. 153, кн. 5. – С. 7–16.
2. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2002. – 720 с.
3. Маклаков А.Г. Общая психология. – СПб.: Питер, 2001. – 592 с.
4. Щербатых Ю.В. Общая психология. – СПб.: Питер, 2008. – 272 с.
5. Piaget J., Weil A. The Development in Children of the Idea of Homeland and of Relations with other Countries // Int. Soc. Sci. Bull. – 1951. – V. 3, No 3. – P. 561–578.
6. Jahoda G. Children's concepts of nationality: A critical study of Piaget's stages // Child Development. – 1964. – V. 35, No 4. – P. 1081–1092. – doi: 10.1111/j.2044-8279.1963.tb00562.x.
7. Величковский Б.М. Когнитивная наука. Основы психологии познания: в 2 т. – М.: Смысл; Академия, 2006. – Т. 1. – 448 с.; Т. 2. – 432 с.
8. Деннет Д. Виды психики: на пути к пониманию сознания. – М.: Идея-Пресс, 2004. – 184 с.
9. Concepts: Core Readings. – Boston, MA: MIT Press, 1999. – 664 p.
10. Fodor J.A. Representations: Philosophical Essays on the Foundations of Cognitive Science. – Cambridge, MA: MIT Press, 1983. – 356 p.
11. Horgan T., Tienson J. Representations without Rules // Philosophical Topics. – 1989. – V. 17, No 1. – P. 147–174. – doi: 10.5840/philtopics198917116.
12. Paivio A. Mental Representation: A Dual Coding Approach. – N. Y.: Oxford Univ. Press, 1990. – 336 p.
13. Пинкер С. Язык как инстинкт. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 456 с.
14. Тье М. Ten Problems of Consciousness: A Representational Theory of the Phenomenal Mind. – Cambridge, MA: MIT Press, 1997. – 264 p.
15. Attention and Performance. XIII: Motor Representations and Control. – N. Y.: Psychology Press, 1990. – 888 p.
16. Butterfill S., Sinigaglia C. Intention and motor representation in purposive action // Philosophy Phenomenol. Res. – 2014. – V. 88, No 1. – P. 119–145. – doi: 10.1111/j.1933-1592.2012.00604.x.
17. Misra N., Choe Y. Shape recognition through dynamic motor representations // Neurodynamics of Cognition and Consciousness. – Berlin; Heidelberg; N. Y.: Springer Verlag, 2007. – P. 185–210.
18. Rosetti I. Implicit short-lived motor representations of space in brain damaged and healthy subjects // Conscious. Cogn. – 1998. – V. 7, No 3. – P. 520–558. – doi: 10.1006/ccog.1998.0370.
19. The Multiple Functions of Sensory-Motor Representations. – N. Y.: Psychology Press, 2005. – 240 p.
20. Boer S. Propositional attitudes and compositional semantics // Philosophical Perspectives. – 1995. – V. 9. – P. 341–380.
21. Saul J.M. The road to hell: Intentions and propositional attitude ascription // Mind & Language. – 1999. – V. 14, No 3. – P. 356–375. – doi: 10.1111/1468-0017.00116.
22. Schank R.C., Abelson R.P. Knowledge and Memory: The Real Story // Knowledge and Memory: The Real Story. Advances in Social Cognition. V. 8. – Hillsdale, N. J.: Lawrence Erlbaum, 1995. – P. 1–85.
23. Bartlett F.C. Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995. – 317 p.

24. *Rumelhart D., Ortony A.* The representation of knowledge in memory // *Schooling and the Acquisition of Knowledge*. – Hillsdale, N. J.: Lawrence Erlbaum, 1977. – P. 99–135.
25. *Nelson K.* *Event Knowledge: Structure and Function in Development*. – Hillsdale, N. J.: Lawrence Erlbaum Associates Inc., 1986. – 277 p.
26. *Mandler G.* *Mind and Body: Psychology of emotion and stress*. – N. Y.: Norton, 1984. – 346 p.
27. *Fodor J.A.* *LOT 2: The Language of Thought Revisited*. – N. Y.: Oxford Univ. Press, 2010. – 240 p.
28. *Brosnan S.F., de Waal F.B.M.* Fairness in Animals: Where to from Here // *Social Justice Res.* – 2012. – V. 25, No 5. – P. 336–351. – doi: 10.1007/s11211-012-0165-8.
29. *Henrich J., Boyd R.* On modeling cognition and culture: why cultural evolution does not require replication of representations // *J. Cognit. Cult.* – 2002. – V. 2, No 2. – P. 87–112. – doi: 10.1163/156853702320281836.

Поступила в редакцию
09.10.14

Алишев Булат Саямович – доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: *Bulat.Alishiev@gmail.com*